

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Д.М. РОГОЗИН

ПЯТЬ УРОКОВ СТАРЕНИЯ

СИЛА ВОЗРАСТА: УРОКИ СТАРОСТИ ДЛЯ СЕМЕЙ И МОЛОДЕЖИ /

ПОД РЕД. Д. БАТТАЛЬЯ; ПЕР. С ИТАЛ. О. УВАРОВОЙ,

М. ЧЕЛИНЦЕВОЙ, С. ФАЙН. СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2015. — 325 с.

Старость — наше будущее, ее раннее принятие и размышление о ней есть единственный способ разговора с собой, понимания других и определения своего места среди них.

Можно убрать стариков из дома, из различных сфер жизни, но нельзя убрать того пожилого человека, который находится в каждом из нас (с. 6).

Старение населения и увеличивающаяся продолжительность жизни — растражированные в медиа страшилки наших дней. Первая часто связывается с угрозами снижения доли трудоспособного населения и, соответственно, сокращения «производительных сил». Вторая — с ростом нагрузки на все то же трудоспособное население, необходимостью дольше содержать пожилых, формально не приносящих ничего обществу, а лишь потребляющих его труды, претендующих на часть добавочной стоимости, получаемой в виде пенсионных отчислений. Экономическая логика товарно-денежных обменов не только господствует среди экономистов, но, увы, стала обыденностью в повседневных разговорах и представлениях самих пожилых людей. Старики воспринимаются как отходы, общественный балласт, дополнительная нагрузка на национальную экономику. В такой логике старение населения — это угроза, неотвратимо надвигающаяся на современное общество, последствия прогресса, это обратная сторона

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий лабораторией, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ; старший научный сотрудник, Институт социологии РАН. **Адрес:** 119034, Москва, Пречистенская набережная, д. 11, корп. 1, ком. 404. **Телефон:** +7 (916) 482-30-35.
Электронная почта: nizgor@gmail.com

достижений в медицине, роста качества жизни, социального благополучия.

Великий парадокс современности заключается в том, что старики сегодня могут прожить дольше, но их жизнь бесполезна и является лишь помехой. «Зажившимся» старикам словно говорят: посторонись. Учреждения для стариков говорят об этом. Это парадоксальное противоречие затронуло уже миллионы людей: долголетие — дар прогресса, общество делает все возможное для продления жизни людей, при этом, когда наступает старость, теряется смысл этого периода жизни и часто люди испытывают чувство холода и заброшенности. Как будто ничто не противостоит логике: старик должен уйти с дороги (с. 13).

С представления странного, негуманного отношения к старости начинается книга. К этому вновь и вновь обращаются ее авторы. Увы, современность, в которой стало возможным долголетие, не приспособлена к нему. Поэтому так важно учиться понимать старость как важнейшую ценность человеческого существования, как «надежный причал» личной судьбы, которая у каждого фантастически интересна и важна, которую каждому следует осознать и достойно завершить.

Сборник, составленный итальянскими авторами на итальянском материале, удивительным образом консистентен российской ситуации. Порой представляется, что рассказы о судьбах стариков, их прямая речь, которой насыщена книга, звучат из деревень и городов Тверской или Ивановской области, Красноярского или Приморского края. Но при всей универсальности и значимости поднимаемых вопросов и тем авторам удалось избежать объективистской риторики. Обязательных для всех рекомендаций нет. Есть посыл к размышлению, наблюдению и действию, а нравоучение, понукание и принуждение полностью отсутствуют. Каждый увидит в книге свои уроки, субъективно воспримет то, что составляет основу его жизни. «Уроки старости», которые вынес я, о которых получилось размышлять совместно с авторами, ведя с ними мысленный диалог, постараюсь представить ниже. Но уверен, что другой сможет вынести что-то свое, личное и наиболее важное. В этом достоинство сборника, огромный потенциал его неспешных бесед с читателем.

Урок первый, о хрупкости мира

Стремление к вечной молодости — это отложенная ответственность, вечные отговорки от того, чтобы перейти к делу, страх перед собой и своей жизнью. Мир хрупок и недолговечен, понимание этого наполняет смыслом нашу жизнь, не позволяет растрачивать отпущенные дни, не допускает предательства, прежде всего — себя, уже потом — близких, родных людей. Хрупкость старости — лишь истинное отражение хрупкости всего человеческого, знак и напоминание о нашем предназначении, правильная расстановка акцентов в жизни.

Пожилой человек более хрупок, чем молодой, и именно эта хрупкость есть отличительная черта старения, которое является не болезнью, а большей предрасположенностью к заболеваниям (с. 67).

Хрупкость стариков — не столько утверждение о будущем, сколько указание на наше настоящее. За чередой мелькающих перед глазами дней, заботами о карьере и удовлетворением мимолетных желаний, негодованием на несправедливость мира мы не замечаем, насколько неустойчива и хрупка окружающая нас действительность, насколько хрупки мы сами.

Знакомство со стариками позволило понять хрупкость семьи. Сквозь горькие слова и слезы многих людей проступали разочарование и пережитые драмы: измены, насилие, распад семьи, расплата неблагодарностью за доброту. Их противоречивые истории говорили о вытеснении и изгнании из семьи, и одновременно об упорной и почти необоснованной привязанности к своим детям. Равнодушие, неверность, повседневная бесчувственность и мелкие дразги (с. 10).

Хрупкость можно толковать как недостаток, несовершенство мира, а можно увидеть в ней изящество и ценность того, что сопротивляется общей тенденции к смерти. Хрупкость семьи, ее неустойчивость и ранимость подчеркивают красоту этого института, который являет нам свое безусловное совершенство.

Если в социальном плане хрупкость чаще проявляется в неустойчивости семьи, личное проживание хрупкости связано с болезнями. В природе нет абсолютно здоровых людей, но именно в пожилом возрасте становится труднее справляться с заболеваниями. Однако это не значит, что старость — это болезнь. Рита Кутини с коллегами (глава 3: Хрупкость стариков) подчеркивают, что разговор следует строить о болезнях в старости, а не о старости как болезни (с. 81). Сердечно-сосудистые заболевания, повышенное артериальное давление, сердечная недостаточность, сахарный диабет, неврологические заболевания и старческое слабоумие — болезни, сопровождающие пожилого человека, делающие его мир хрупким и предельно зависимым от других. Но даже спутанное сознание, связанное с дезориентацией, галлюцинациями и потерей памяти, не убивает в человеке человеческое. Внимание и забота, совместные усилия по возвращению «памяти чувств» позволяют обратить неизбежную проблему хрупкости в возможность проявления человеческого духа, межпоколенческой солидарности и наполненной смыслом жизни для всех участников социальных взаимодействий.

Урок второй: пасторская забота важнее социальной

Мы привыкли различать светское и религиозное, вынося последнее за скобки обыденной жизни. Но религиозное может быть тесно

связано с повседневностью каждого человека. В религиозном содержатся глубинные ценности бытия, и, пожалуй, это единственная осмысленная «среда», окружающая человека на протяжении всей его жизни. Не нужно быть христианином, мусульманином или иудеем, чтобы восхититься красотой мира, но принятие ее, осознание своего места в мироустройстве невозможно вне религиозных концепций. Говорить об этом прямо не принято, но и не всегда нужно.

«Для кого я существую, чего я стою, для чего живу, для кого встаю по утрам и одеваюсь..?» Помощь старикам в сложные минуты их жизни, в часы недуга, одиночества, проводы в последний путь стали обретением смысла жизни для многих людей. Возможно, это началось с инстинктивного чувства, с эмоциональной и религиозной интуиции, подсказывающей сердцу, что жизнь не утрачивает ценности, даже когда она сводится к одному вздоху (с. 12–13).

Большая часть книги, казалось бы, написана вне религиозного контекста, хотя ее авторы — носители христианского мировоззрения, члены католической общины. Лишь в последних главах прямо обозначаются важнейшие компоненты старения — молитва (глава 15), размышление о смерти (глава 13), чтение Святого Писания (глава 14, заключение), духовный аспект дружбы (глава 12). В начале речь идет о нужде, несправедливости, оставленности и, как важнейших ответах на эти вызовы, разговорах, внимании, социальном служении. Когда человек в беде, христианская проповедь реализуется в прямой помощи. Но последняя не сводится к материальной поддержке. Важнейший компонент заботы о стариках — это укрепление их веры в себя, в осмысленность долголетия, в их нужность и важность для окружающих. Это и есть пасторская забота как практика реализации человеческого, поддержания личностного начала в мире социальных отношений.

Пасторская забота — это профилактика бедности, возвращение постаревшему человеку социальной роли. В России уже не первый год идут споры о поднятии пенсионного возраста, пенсионной формуле для расчета последующих выплат, но забывается чрезвычайно важная характеристика работы как основы социальной идентичности человека, его включенности в социальную жизнь.

Работа — это не только средство для выживания или заработка: это и возможность обозначить собственную индивидуальность, играть определенную роль в обществе, целый мир отношений, порой единственных в жизни. <...> Работа дает достоинство: как часто старики с гордостью заявляют: «Я всю жизнь работал!» <...> Когда больше не работаешь, то из жизни уходит дружба, повседневные обязанности, цели. А это, в особенности для мужчин, представляет собой серьезную человеческую проблему. Поэтому, даже если в этом нет необходимости, пожилые люди стремятся, тем не менее, найти возможность

продолжать работать, делать что-нибудь, пусть даже просто штопать или аккуратно складывать одежду (с. 43–44).

Быть занятым, полезным другим — важнейшее качество счастливой старости. Линейное разделение жизни на время учебы, работы и пенсии уходит в прошлое вместе с индустриальным ритмом жизни, ранней смертностью и переизбытком ручного труда. Сейчас пора обозначить очевидное: многие, даже самые обессиленные, старики готовы участвовать в производстве социальных благ, помогать и быть востребованными обществом.

Пасторская забота — это и уважительное отношение к воле, личности старика. В книге меня поразили эпизод с похоронами человека, проповедовавшего анархические взгляды. Для общины стало важнее исполнить волю человека, нежели формально провести христианский обряд погребения.

Никола, один из первых стариков, принятых в дом Общины, был анархистом и атеистом. Он родился в 1894 году. Когда его возраст перевалил за 90, он уже не мог жить один, но у него не было близких и родных. Он был в России во время революции. Жил в Соединенных Штатах. Там он общался с Сакко и Ванцетти и был арестован за политическую деятельность. Активное участие в политической борьбе за идеалы свободы стало основным содержанием его жизни, поэтому он часто повторял свое желание иметь анархические похороны. Когда он умер, его воля была исполнена. В доме был устроен траурный зал без религиозной символики, на Николе черный галстук анархиста. Была произнесена прощальная речь, упомянуты факты его биографии, многочисленные встречи, политические баталии, годы, проведенные в доме Общины. В конце все вместе пропели «Прощай, прекрасный Лугано», песню анархистов его поколения (с. 208).

Христианство — это и принятие другого, его позиции, взглядов, мировоззрения; помощь ему без оглядки на какие-либо условия и догматы. Основной и единственный догмат социального служения — это милосердие, основанное на дружбе, доверии и любви.

Урок третий: повседневность полна смыслами

Бегство от старости, бесконечные сожаления об уходящих годах, нежелание принять надвигающуюся слабость связаны с неприятием повседневного опыта, непониманием его важности и ценности для жизни. А. Риккарди говорит о нем как о «лаборатории мудрости» (с. 14), но можно пойти дальше: вне повседневного опыта невозможна не только мудрость, но и основания для нее — осмысленная жизнь.

В любом возрасте люди стыдятся показать свою слабость. Это почти природный инстинкт — выглядеть сильным и независимым. Часто мы слышим жалобы стариков, горько сетующих: «Во что я превратился!». Все это очень по-человечески. Болезнь постоянно ставит барьеры,

вынуждает от многого отказываться, мешает выполнению самых простых действий повседневной жизни, накладывает ограничения. Даже самые простые вещи становятся сложными, а в голове вертится тревожная мысль: «Насколько еще у меня хватит сил?» (с. 42).

Авторы книги раз за разом упоминают о повсеместно произносимых стариками словах о ненужности, одиночестве, бессмысленности долголетия. Спасает от полного опустошения лишь страх смерти и врожденное чувство самосохранения. Единственное лекарство от тотального уныния — принятие повседневности не только как важнейшей части себя, но и как опыта, необходимого другим, источника знаний о жизни, в которых так нуждаются окружающие, независимо от их возраста и социального статуса.

В старости повседневность буквально надвигается на человека, устрашает невозможностью выполнять рутинные, обыденные действия. Рита Кутини с коллегами разделяют эти действия на физические (мыться, одеваться, ухаживать за собой, ходить, есть, сдерживать позывы к мочеиспусканию) и инструментальные (готовить еду, заниматься домашней работой, перемещаться за пределами своего жилища, совершать покупки, принимать лекарства, пользоваться телефоном, деньгами) (с. 77). Не замечаемая в других возрастах повседневность сковывает человека, лишает его веры в себя, в свое предназначение. Но отсутствие самодостаточности не указывает на разрушение смысла самой жизни. Не только немощному старику, но и его окружению важно видеть эти трудности, через понимание которых только и возможно становление и развитие человеческого начала. И дело не столько в призыве к гуманизму и состраданию, сколько в необходимости таких трудностей в повседневной жизни здоровых и успешных людей. Несмотря на видимые достаток и благополучие, без понимания красоты повседневности их жизнь бедна и убога, незаметна и скоротечна, разбросана и обесценена.

Урок четвертый: в жизни нет возраста, когда останавливается поиск

Так уж сложилось, что 60-летие для большинства российских мужчин — знаковая дата, выход на пенсию. Одни начинают говорить о заслуженном отдыхе, другие его откладывают и продолжают работать, но лишь единицы готовы продолжать в этом возрасте поиск новых идей, занятий, поиск себя. «Все кончено, жизнь прожита, и осталось лишь помогать внукам и радоваться жизни других», — типичный, ужасающий своей типичностью ответ. В «Силе возраста» мы находим альтернативу, непонятное, но крайне необходимое многим убеждение, что поиск себя, своего места в мире не ограничен возрастом. Даже лежащим больным, не способным без посторонней помощи принять лекарства, поехать, сходить в туалет, есть о чем мечтать и к

чему стремиться. Осознать это нехитрое утверждение молодым и здоровым, принять его как данность и есть половина дела. Поскольку образ старости формируется всем обществом, и ответственность за него — коллективная.

В старости, особенно в современном мире, когда многолетний опыт, знания, умения, убеждения, мудрость оказываются никому не нужными, даже в семье, среди самых близких людей, люди ощущают потерю собственной значимости. Когда теряешь свою социальную функцию, то словно бы теряешь и интерес со стороны окружающих. И в конце концов теряешь уважение к себе. Сколько раз мы слышали горькие признания стариков: «Вот состаришься — и никто на тебя даже не взглянет...» (с. 45).

Совместные усилия по продолжению поиска, обращение к другим за помощью и получение помощи составляют основу жизни человека независимо от его возраста, образования, уровня дохода и социального статуса.

В определенном смысле — если сделать провокационное утверждение — можно сказать, что все мы в разной степени можем считаться инвалидами, потому что нам всем в повседневной жизни бывает нужна помощь или приходится пользоваться теми или иными инструментами. Полное отсутствие этой помощи или этих инструментов лишило бы нас самостоятельности (с. 79).

Именно благодаря своей слабости пожилые люди выражают потребность в помощи, напоминая всем, что никто не может обходиться без других (с. 162).

Нельзя отрицать упадок сил, связанный со старением, но опасно закрывать глаза на то, что слабость — это неотъемлемая часть человеческой жизни, основа для кооперации и проявления солидарности с такими же и непохожими на нас. Искать свое место, видеть новое и стремиться проявить себя в нем — это и есть основа человеческого сосуществования, которое не детерминировано внешними факторами, а зависит лишь от нашей внимательности к себе и окружающим.

Урок пятый: память — основа личности

Стариков часто сравнивают с детьми за их беспомощность, потребность в других, открытый взгляд на мир. Но есть и коренное отличие старости от детства — личная история, биография и судьба. Старик — это сосуд, наполненный смыслами, переживаниями, удачами и разочарованиями, накопленными за долгие годы. Единственное, что сохраняет его индивидуальность, связывает прошлое и настоящее, — это память.

Память является основополагающим элементом самоидентификации: это важно, чтобы лучше понять предыдущий тезис о том, что старик —

это не ребенок. Память хранит информацию о прошедшей жизни, местах, событиях, опыте, людях, чувствах... Память — это важная часть собственного «я», собственной жизни, в определенном смысле это и есть личность (с. 75).

Теря элементарные навыки ходьбы, умение держать ложку, путаясь в пространстве и времени, старик остается взрослым человеком со своим огромным внутренним миром и богатой историей. «Память чувств невозможно стереть» (с. 76), — гениальный пассаж авторов сборника можно было бы вынести в заглавие книги. Мир, богатый переживаниями и событиями, являемый нам стариками, создает неповторимое человеческое мировоззрение, то, что Борис Докторов, российский социолог, называет «продолженным настоящим». Время — величина относительная, и ответ на вопрос, что есть настоящее, — не столь тривиален. Старики позволяют существенно расширить настоящее, показать, что наше «я» связано не только с текущими событиями, ошибками или удачами. Оно укоренено в прошлом нашего рода, наших друзей, соотечественников, прохожих и просто незнакомых людей, с которыми мы ежедневно сталкиваемся в своей жизни. Мы — часть мира, воссоздать который без участия стариков невозможно.

Практические итоги

Можно много говорить о несправедливости, убогости и оставленности стариков во всем мире, переживать текущую ситуацию, призывать других к искоренению зла и несправедливости, но все это — слова без адресата. Единственным собеседником в этой ситуации должен стать сам старик. Пять уроков начинают восприниматься адекватно лишь после принятия двух важнейших компонент — беседы и визита. Именно с ними и через них реализуется служение и сбывается пророчество о достойном старении. Разговаривая, задавая вопросы, делясь собственными переживаниями, впитывая мудрость собеседника, мы начинаем отдаляться от убогого материализма по отношению к старению. Того материализма, где странные, ненужные самим старикам представления об их быте, месте проживания, питании и передвижении из самых лучших побуждений навязаны не разговаривающими со стариками людьми, а значит, невосприимчивыми к их жизненному миру.

Чинция Кокуччи (глава 5: Беседа) выделяет четыре причины, по которым так необходима беседа со стариками (с. 129). Во-первых, беседа поддерживает связь стариков с окружающим миром, а значит, предотвращает одну из сильнейших бед старости — одиночество. Во-вторых, в беседе старики помогают уже нам открыть ценность слова и вкус к неспешному разговору. В ситуации бесконечной гонки за видимостями (карьерой, счастьем, достатком и т. д.) мы теряем

важнейшую человеческую черту — умение размышлять и видеть окружающий нас мир. Потеряв умение, мы не избавляемся от потребности в этом. Возможно, здесь коренится причина стрессов, разочарований, опустошенности и уныния, столь свойственных современникам. В-третьих, разговор упражняет память стариков и не дает отвыкнуть от живой речи. Это лучшая профилактика для сохранения сознания для долгожителей. В-четвертых, это единственный способ узнать друг друга, создать доверительные отношения, явить миру реалии дружбы, нечувствительной к возрастным или поколенческим ограничениям.

А далее идут практические рекомендации, как строить беседу, как общаться со стариками (с. 130). Главное, нужно уметь слушать, не перебивать, выдерживать паузы, задавать дополнительные вопросы, выказывать интерес к, возможно, уже слышанному рассказу. Следует эмоционально включаться в разговор, всем телом демонстрируя заинтересованность в рассказе. Затем, рассказывать о себе, пытаться в разговоре совместить разные жизненные перспективы, совместно нащупывать важные для обоих смыслы, идеи, заключения. Разговор — это сотворчество равных собеседников, где разделения на интервьюера и респондента условно и реципрочно, то есть передаваемо от реплики к реплике. Наконец, и этот совет мне представляется самым важным и редко озвучиваемым в других книгах, следует придерживаться ритма беседы, который задают старики. Не спешить ни со словами, ни с дружбой, ни с помощью, ни с участием. Терпимость и забота — это попадание в ритм старика, умение следовать ритму его рассказа, а значит, и жизни.

Старики часто рассказывают о событиях, которые оставили особый след в их судьбе. Болезнь, война, смерть близких снова и снова всплывают в их разговорах, потому что они изменили их жизнь. Также старики делятся прекрасными эпизодами своей жизни, событиями, которые сделали их счастливыми и о которых им приятно говорить. Одним словом, они рассказывают собеседникам самое значимое, суть своего существования: это может быть несколько эпизодов, период времени, историческое событие, необычный момент, странное происшествие, ошибка, боль — в которых сведена воедино вся жизнь, то, что было раньше, и то, что произошло позже (с. 135).

Видеть осмысленность повторов, не опасаться разговоров о смерти и боли, не ожидать все новых и новых впечатлений, а пытаться извлечь смыслы из уже услышанного — в этом искусство собеседника и служение старости.

Личная судьба каждого — это нечто ценное, потому что представляет одну из сторон личности, особенно если это длинная история: никто не является лишь тем, кто он сегодня, сейчас: каждый человек —

продукт прожитых лет, встреч, переплетения личного опыта с историей, надеждами, с общей судьбой своего поколения. Каждый остро ощущает значимость своей личной истории, чувствуя ее в своем роде неповторимость. Мы считаем самыми близкими людьми среди родных и друзей тех, кто хорошо знает нашу личную историю. В этом смысле интерес к истории другого человека всегда является жестом дружбы, которой нужно жить без оценочных и предвзятых суждений (с. 136–137).

Беседа невозможна без визита. Обычай приходить в гости, пишет Сильвия Марангони (глава 6: Визит), и позволяет нам начать и продолжать разговор со стариками (с. 141). Безусловно, начинать надо с родных и друзей, поскольку семья — это наивысшая ценность, дарованная каждому, независимо от его достатка, цвета кожи, уровня образования и других атрибутов, обычно приписываемых социальному статусу. Но следующий шаг служения — это визиты к незнакомым людям, беседа с нуждающимися, забытыми и обделенными вниманием стариками.

Чтобы завязать дружбу со стариками какого-нибудь города, люди из Общины святого Эгидия обычно направляются в самые бедные районы, в старые кварталы, потому что именно там их больше всего, и часто они живут одиноко и скудно. Но надо идти и искать их, дом за домом. Подобное начало общения сегодня, возможно, более сложно осуществимо, чем некоторое время назад, особенно в европейских городах: в обстановке всеобщей запуганности люди неохотно открывают двери незнакомцам, но идти от дома к дому — единственная возможность отыскать людей действительно в тяжелом положении (с. 144).

Исследователей в современной России часто отождествляют с полстерами, профессионалами, обслуживающими власть. Мы и сами зачастую забываем об особенностях своей профессии, в которой служение и призвание занимают не последнюю роль. Уроки старения, заботливо собранные и изданные настоящими подвижниками, дают нам шанс увидеть и осознать свою профессиональную идентичность как прежде всего помощь людям через беседу и визит. Уже три года прошло со времени нашего скромного проекта изучения старения в Ивановской области, инициированного Фондом Тимченко, в частности нашими друзьями Марией Морозовой и Вадимом Самородовым. Обходя дома, общаясь со стариками в личных встречах и по телефону, собирая их архивы, рассматривая старые фотографии, мы думали, что тем самым выполняем профессиональную задачу сбора информации для последующего анализа. И это была ошибка. Никакая самая правдивая информация не заменит продолжающегося участия, которое возможно лишь в совместном творчестве с разными заинтересованными

людьми, в одновременной реализации исследовательской программы и просветительской, гуманитарной и медицинской помощи. От академических проектов к участвующему исследованию (participatory research) — это наша задача на ближайшие годы.

Дата поступления: 11.08.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)
2015. VOL. 21. NO. 3. P. 177–187

D.M. ROGOZIN

The Institute for social analysis and prediction, The Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation.

Rogozin Dmitry Mikchaylovich — PhD in Sociology, Head of the Laboratory for survey research methodology, The Institute for social analysis and prediction, The Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
Address: Prechistenskaya naberezhnaya, 11, bl. 1, room 404, 119034, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (916) 482-30-35. **Email:** nizgor@gmail.com

**[REV.] FIVE LESSONS OF AGING:
THE POWER OF AGE: LESSONS OF AGING FOR FAMILIES AND YOUNG
PEOPLE. D. BATTALYA (ED.); TRANSL. BY O. UVAROVA, M. CHELINTSEVA,
S. FAIN. ST PETERSBURG: ALETEYA, 2015. 325 P.**

Received: 11.08.2015.
